

ИВАН ЛЕКЛЕР

Париж

«ЛИТОВСКИЙ ПАРАДОКС»:
РОССИЙСКАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПО ОТНОШЕНИЮ К СТАРООБРЯДЦАМ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ С 1863 ПО 1883 ГОД

Для меня большая честь участвовать в этой конференции, здесь в Вильнюсе, и выступить перед такой публикой. Мои знания русского языка по сравнению с другими участниками далеки от совершенства, поэтому прошу Вашего снисхождения.

В исторических архивах Вильнюса я провел исследования о староверах Литвы за период с 1863 по 1914 год. В середине XIX века Северо-западные губернии приютили от 30 до 40 тысяч староверов, большинство которых нашло пристанище в литовских губерниях – Ковенской и Виленской. В этой статье приведу также сведения о староверах Витебской губернии, связанной с северо-западными губерниями, с 1863 по 1870 год, среди староверов которой, как и в Литве, преобладали беспоповцы. А это составляет от 60 до 80 тысяч верующих, компактно проживавших на северо-востоке Литвы, юго-востоке Латвии – в Латгале и в городах.

Во время литовско-польского восстания 1863–1864 гг. староверы Северо-западного края доказали свою преданность царю, который их преследовал, но недавно освободил от крепостного рабства: многие из них служили в крестьянских караулах или более спонтанно, как в Латгале. В результате восстания были созданы условия для сближения между бывшими преследуемыми и палачом, превратившимся в освободителя. Виленский генерал-губернатор Муравьев стал одним из главных действующих лиц этого сближения со староверами, в которых он видел представителей русской народности: включил их в программу поселения русских крестьян на казенных землях¹, запретил выселе-

---

¹ А. Станкевич, *Очерки возникновения русских поселений на Литве*, Вильно, 1909.

ние арендаторов-староверов крупными польскими помещиками и содействовал употреблению в документах слова «староверы», тогда как в законе традиционно применялось слово «раскольники», имеющее более уничижительное значение.

Одновременно закон и конфессиональная политика Санкт-Петербурга значительно смягчились по отношению к староверам, на что особое влияние оказывал министр внутренних дел Валуев, принявший во внимание и лояльность староверов Империи в 1863 году. С ноября 1863 года староверы получили также право записываться в купеческое сословие, позднее – вести регистрацию крещений, смертей и браков. Спустя 20 лет, в 1883 году, «раскольники» получили право превращать частные дома в молитвенные.

Таким образом, было бы соблазнительно полагать, что в период между 1863 и 1883 годами северо-западные губернии служили лабораторией повышения гибкости конфессиональной политики – эта идея отражается в литовской и русской историографических традициях, подчеркивающих роль Муравьева как покровителя староверов. Однако документы свидетельствуют, что все происходило не совсем так. Одновременно с улучшением аграрной ситуации староверов конфессиональная политика администрации Северо-западного края становилась все более жесткой. В то время как регион мог бы стать идеальной лабораторией для разработки более гибкой конфессиональной политики по отношению к «раскольникам», он скорее всего служил в качестве лаборатории для подавления и возвращения староверов в лоно православия.

Именно такое сочетание явного сближения со староверами и в высшей степени жесткой конфессиональной политики я называю «литовским парадоксом», причины которого постараюсь выяснить в настоящем докладе, главным образом на основании документов канцелярии Виленского генерал-губернатора.

Мрачные годы. В плане конфессиональной политики годы между концом литовско-польского восстания и императорским манифестом 1883 года о моленных были годами подавления. Однако в 1861 году в среде староверов началась эйфория: царь отменил крепостное право, а Валуев разрешил возвращение в староверие 4000 крестьян Динабургского уезда в Латгале, которые были насильно обращены в православие при Николае I в рамках военной колонии. Борьба против польского

восстания вынудила староверов поверить, что пришло время всеобщего примирения: с энтузиазмом строились новые моленные, и администрация была наводнена прошениями о разрешении строительства или ремонта.

Но надежды вскоре рухнули. Уступки были весьма невелики: в 1864 году Муравьев согласился закрыть глаза на ремонт моленных домов в Перелазях, принимая во внимание преданность староверов, но главным образом вследствие нехватки войск для того, чтобы этому помешать². В сентябре 1865 года его преемник фон Кауфманн получил от государства разрешение на ремонт моленных для староверов из Якоблева в Латгале³. Однако с июня 1864 года Муравьев потребовал от местных властей строгого соблюдения закона 1858 года⁴, разрешающего только моленные, построенные до 1826 года, и запрещающего ремонт – за исключением с разрешения Императора. Он даже подготовил широкую кампанию по закрытию подпольных моленных в Латгале, которая была проведена его преемником в мае 1865 года: были закрыты 5 моленных⁵.

До 1883 года систематически закрывались все моленные, построенные позднее 1861 года, староверы даже подвергались судебному преследованию. В Литве, в деревне Аукштакальне, молельный дом, построенный в 1866–1867 годах, в 1869 году был опечатан, а в 1871 году – разрушен⁶. Два других молельных дома были закрыты в Свенцяном уезде в 1870 году⁷. Систематически запрещался и ремонт, как, например, в Бобруйске – в 1866 году⁸ и в Вильнюсе – в 1870 году⁹.

Вследствие строгого применения закона 1858 года возникла проблема в политике поселения русских крестьян на государственных землях: власть в результате такой политики создала новые староверские деревни и таким образом способствовала появлению новых молельных домов. В Ибенах, символической для колонизации деревне, власти безуспешно пытались запретить поселенцам собираться для молитвы в частном доме¹⁰. В 1871 году поселенцы с фермы Сугинты в Ковенской

² ЛИА, ф. 378, оп. 1864 (общих дел), д. 248, л. 3.

³ Там же, л. 245.

⁴ Там же, л. 46–47.

⁵ Там же, л. 185.

⁶ Ф. 378, оп. 1871 (о. д.), д. 266.

⁷ Ф. 378, оп. 1871 (о. д.), д. 263.

⁸ Ф. 378, оп. 1866 (о. д.), д. 1285.

⁹ Ф. 378, оп. 1872 (о. д.), д. 1315.

¹⁰ Ф. 378, оп. 1874 (о. д.), д. 1271.

губернии тайно построили молельный дом, разрушенный властями в 1877 году¹¹.

Таким образом, начиная с Муравьева, генерал-губернаторы доказали, что могут сочетать аграрную щедрость с жесткостью в конфессиональном плане. Эта жесткость была обусловлена не только давлением Министерства внутренних дел или Синода, поскольку Муравьев не ожидал инициативы со стороны министра Валуева. Было бы ошибкой считать Муравьева защитником староверов в плане конфессиональной политики, если даже он изображал этих представителей русской народности скорее всего как положительный образ.

Церковь и Россия. Чтобы понять такую жесткость генерал-губернаторов по отношению к староверам, следует напомнить, что губернии Северо-запада после 1863 года стали местом укрепления православия, здесь строились многочисленные церкви, и в 1865–1868 годах из Курляндии ввозились православные крестьяне. Прибыв в Вильнюс, Муравьев объявил себя защитником государственной религии и по этой причине не мог допустить даже малейшей уступки по отношению к «раскольникам».

В XIX веке главной целью русской конфессиональной политики по отношению к «раскольникам» было не обращать их в православие, за исключением, может быть, времен правления Николая Первого, а, напротив, помешать им возвращаться, «отравлять» и «заражать» православных. Поэтому относительная терпимость наблюдается только на окраинах империи, где православных было мало, например в Закавказье. Но в Литве и Латгале после 1863 года, когда было сделано все для укрепления православия, такая терпимость была недопустима даже для Муравьева.

Борьба против «отравления» православных особенно наблюдалась в Латгале, в Динабургском уезде, в котором министр внутренних дел Валуев в 1861 году разрешил 4000 крестьян, насильно обращенных в православие при Николае Первом, вернуться в раскол: большинство действительно вернулось в староверие и повлекло за собой истинных православных, часто мужей или жен, с которыми сочетались браком во время своего официального православия.

Борьба против «отравления» православных велась и посредством политики поселения русских крестьян на государственных землях,

---

¹¹ Ф. 378, оп. 1877 (о. д.), д. 316.

причем православные и староверческие поселенцы должны были размещаться в отдельных колониях.

С другой стороны, усиление православия в северо-западных губерниях способствовало присоединению нескольких староверов к православной церкви через единоверие. Рост числа православных церквей облегчил миссионерскую деятельность среди староверов, а значительно повышенное чувство русской национальной общности между православными и староверами после 1863 года и популярность царя Александра Второго, несомненно, способствовали возвращению «раскольников» в лоно матушки Церкви. Данный феномен будет рассмотрен в следующем докладе, но можно напомнить, что в 1873 году во всей Ковенской губернии единоверие исповедовали 465 человек¹². Эта цифра весьма невелика по сравнению с 20–30 тысячами староверов губернии, но она наглядно показывает, что зов России-матушки, глубоко прочувствованный во время литовско-польского восстания 1863 года, побудил некоторых присоединиться к православной церкви.

Скрытое лицо России. Укрепление православия не является единственным мотивом жесткости по отношению к староверам. Эта жесткость объясняется также целой системой представлений о расколе, отрицательных стереотипов, парадоксально усилившихся вследствие верности староверов в 1863 году.

В умах чиновников Северо-западного края раскол действительно нередко ассоциировался с идеей насилия. О причастности староверов к актам разбоя часто сообщалось в полицейских донесениях уже с начала XIX века. Эти акты разбоя умножились дезорганизацией, отмеченной в 1863–1864 годах. В сентябре 1867 года министр внутренних дел в письме генерал-губернатору фон Кауфманну требовал принять действенные меры против бандитизма большинства староверов¹³. Начиная с 1869 года власти все чаще прибегали к административным ссылкам и организации ночных крестьянских милиций.

Идею о насилии раскола можно обнаружить и в конфессиональной политике: отчеты сообщают о давлении и насилии староверов по отношению к православным с целью обратить их в свою веру¹⁴ –

¹² G. Potašenko, *Iš sentikių Lietuvoje istorijos (1795–1915 m.)*, diplominis darbas, Vilniaus universitetas, 1993, с. 92–96.

¹³ Ф. 378, оп. 1867 (о. д.), д. 279, л. 5.

¹⁴ Ф. 378, оп. 1864 (о. д.), д. 248, л. 109–111, 125–137, 204–207.

особенно часты случаи избиения жен мужьями-староверами. Более того, конфессиональная политика по отношению к староверам и уголовные дела не являются совершенно отдельными областями – обе они находятся в ведении министра внутренних дел.

И стереотипы, связывающие раскол с насилием, свойственны не только северо-западным губерниям. Не случайно Достоевский в 60-х годах XIX века одному из персонажей своей книги – преступнику дал фамилию Раскольников. Императорским указом от 1 июля 1863 года, повторяющим один из предыдущих – от 3 ноября 1838 года, был предписан осмотр полицией тел умерших раскольников перед погребением с тем, чтобы проверить, не была ли смерть насильственной¹⁵. Министр внутренних дел Валуев требовал соблюдения этого правила в северо-западных губерниях, в то время как польское восстание было в полном разгаре, а староверы сражались на стороне царской армии.

Однако именно на это предполагаемое насилие, свойственное староверам, власти, скрепя сердце, вынуждены были опираться, почти как на крайнее средство, в борьбе против участников восстания 1863 года. Они были вынуждены взывать к самой отрицательной черте характера староверов. Но когда армия овладела ситуацией, староверов вновь отправили обрабатывать их земли: с февраля 1864 года Муравьев приказал назначить в общинах староверов, ответственных за изъятие оружия¹⁶.

Преданность староверов в 1863–1864 годах вызвала у виленского генерал-губернатора странное ощущение: с одной стороны, эта верность была приятным сюрпризом, а с другой, она способствовала усилению свойственного расколу насилия. Отсюда – радость и беспокойство одновременно.

Следовательно, лучшим ответом на такую преданность не стала большая терпимость или свобода культа, которая привела бы старовера на путь автономного развития, в ходе которого усилились бы самые отрицательные ее стороны. Лучшим ответом, по мнению чиновников, явилось попечительство, чтобы привести староверов от преданности к полной покорности и, возможно даже, от раскола к православию.

Образ государства-попечителя, воспитателя и отца становился все более важным в отношениях между государством и староверами. 14

---

¹⁵ Там же, л.7–8.

¹⁶ Ф. 1252, оп. 1, д. 98, л. 6–7.

мая 1865 года во время кампании по закрытию моленных в Латгале витебский губернатор сделал все, чтобы не прибегать к военной силе и лично прибыл на место, воплощая образ отца¹⁷.

В силу этого желание навязать попечительство – главный путь сближения государства и староверов в период между 1863 и 1883 годами – это не конфессиональная, а аграрная политика, поскольку чиновники считали, что земля способствует русификации, постоянству и цивилизации тех, которые её обрабатывают, а староверческие поселенцы на казенных землях после 1863 года весьма зависят от государства, являющегося источником помощи и субсидий.

Такое государственное попечительство могло бы быть перенесено на школу, но потерпело фиаско. После того, как правительство разрешило открыть староверческую гребенщиковскую школу в Риге в 1866 году, генерал-губернатор фон Кауфманн хотел побудить староверов посылать своих детей в школу. Зная, что у староверов Литвы не было средств для строительства своих школ, как в Риге, он желал, чтобы они отправляли своих детей в школы для православных детей, разрешив им не присутствовать на уроках закона божьего. Но министр образования не дал на это согласия¹⁸. Более того, в 1872–1873 годах власти начали кампанию по закрытию подпольных староверческих школ, в которых обучали только старой вере и чтению на древнеславянском языке¹⁹. Более действенной была политика развития школы для русских крестьян, поселенных на государственных землях после 1863 года, с присуждением стипендий и строительством зданий, но это касалось исключительно православных: для ускорения русификации намеревались готовить будущих православных руководителей крестьянских обществ²⁰.

В заключение следует констатировать следующее: если северо-западные губернии, и особенно Литва, не служили в качестве лаборатории для разработки более гибкой конфессиональной политики по отношению к староверам, то большей частью потому, что в отношении усиления православия государству трудно было вновь определять русскую «народность», связывая ее еще, как и в эпоху Николая Первого, с самодержавием и православием, то есть с идеей покорности. Если Му-

¹⁷ Ф. 378, оп. 1864 (о. д.), л. 185.

¹⁸ Ф. 378, оп. 1866 (о. д.), д. 1577.

¹⁹ Ф. 378, оп. 1872 (о. д.), д. 1477.

²⁰ Ф. 378, оп. 1871 (о. д.), д. 1529.

равьев и другие и усматривали в староверах хороших представителей русской народности в 1863–1864 годах, то только потому, что в то время не было лучшего выбора: православная популяция в основном состояла из бывших униатов, во многом утративших свою русскую идентичность в глазах Муравьева. Староверы, наоборот, смогли сопротивляться «латинским» влияниям и сохранить свои традиции в нерусской среде, но им не хватало одной существенной черты – покорности, для того, чтобы стать прекрасными представителями русской народности.

В 1863 году староверы доказали свою лояльность и несколько мистическую преданность царю, но в автономной манере, в отдельных караулах, внезапно атакуя предполагаемых повстанцев. В 1863 году староверы были преданными, но не по-настоящему покорными, ибо были слишком автономны – при этом грань между преследованием повстанцев и грабежами была стерта. Для чиновников средством для достижения такого послушания являлись не гибкая конфессиональная политика, которая привела бы староверов на путь усиления автономии и сделала бы их еще более неконтролируемыми, а скорее всего попечительство, чтобы из послушных превратить на самом деле в покорных, привести к действительно русской народности.

Однако новая эпоха начинается восхождением на престол Александра Третьего и манифестом 1883 года, дающим право преобразовывать частные дома в моленные. Эта тема станет предметом других исследований.

„LIETUVIŠKAS PARADOKSAS“: RUSIJOS KONFESINĖ POLITIKA SENTIKIŲ ATŽVILGIU ŠIAURĖS VAKARŲ KRAŠTE 1863–1883 m.

Yvan Leclère

Santrauka

Šiaurės vakarų krašte 1863 m. sentikiai įrodė savo lojalumą ir tam tikrą mistinį atsidavimą carui, bet tai darė savarankiškai eidami sargybą, atakuodami įtariamus maištininkus. Sentikiai buvo ištikimi, bet nenuolankūs, savo vidaus gyvenimą tvarkė autonomiškai.

Valdininkai, siekdami paklusnumo, naudojo ne lanksčią konfesinę politiką, kuri būtų stiprinusi sentikių autonomiją ir padariusi juos dar labiau nekontroliuojamus, o imdavosi globos formos, kad paklusniusius galėtų paversti nuolankiais ir pritariančiais rusų tautiškumui.

“LITHUANIAN PARADOX”:
RUSSIA’S CONFESSIONAL POLICIES TOWARD OLD BELIEVERS
IN THE NORTH WEST REGION IN 1863–1883

Ivan Leclère

Summary

In the North West Region the Old Believers displayed their loyalty and a sort of mystical devotion to the czar, but they did this independently doing guard duty, attacking the suspected rebels. The Old Believers were loyal, but not subservient, they settled their internal affairs autonomously.

Officials, seeking obedience, did not use a flexible confessional policy, which would have strengthened the autonomy of the Old Believers and made them even more uncontrollable, but undertook forms of guardianship that would force the obedient one to be subservient and backers of Russian nationalism.